

УДК 81-139:378

Е. Ю. Муратова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Серебряный век русской поэзии определяется плеядой блистательных имен, его ореол создавали самые разные поэты, которые внесли в поэзию новое видение мира, осознание особенности своей эпохи, новые темы и образы. Не менее важно, что поэзию XX отличает иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык. В творчестве В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, Б. Пастернака и других именно язык стал предметом пристального внимания и творческого преобразования: поэтический язык стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

В этом ряду М. Цветаева занимает, бесспорно, одно из ведущих мест. Хотя М. Цветаева никогда формально не принадлежала ни к каким школам, течениям, направлениям, сознательно избегая какой бы то ни было коллективности, но все ее творчество: в модусе реализуемых тем, художественных образов, жанрового разнообразия, реализации языковых потенций — погружено в самые глубинные пласты не только русской, но и мировой культуры.

Несмотря на обилие работ, анализирующих творчество М. Цветаевой (М. Белкина, Л. Мнухин, А. Саакянц, В. Лосская, Е. Коркина, И. Кудрова, Е. Фарыно, Т. Геворкян, С. Лаврова, Н. Осипова и др.), лингвистический аспект по-прежнему остается наименее изученным. В этой области, помимо отдельных статей, необходимо назвать известную работу Л. Зубовой по анализу поэзии М. Цветаевой, работы О. Ревзиной по поэтическому идиолекту, работы Э. Суодене по анализу поэтического синтаксиса поэта и некоторые другие. В рамках общей проблемы выявления и описания потенциальных возможностей языковых единиц в особых условиях поэтического текста исследование идиостиля Цветаевой как новатора и реформатора языка представляется весьма актуальным.

Цветаева — создатель особого вербального мира с собственным характером языкового самовыражения. В словесной организации стиха поэта активную роль играют ритм и интонация, диссонансная рифма, знаменитое цветаевское тире, смысловое сближение (или, наоборот, подчеркнутая оппозиция) слов на основе их звукового сходства, расщепление слов, актуализация морфем и многое другое.

В рамках доклада мы рассмотрим лишь одну, но очень важную особенность поэтического языка М. Цветаевой. Характерной приметой идиостиля Цветаевой является соположение в рамках одной (двух) стихотворной строки однокоренных слов: *О несчастное городское счастье*) (1), *Спите, спящие ты, / Летите, летящие листья!* (1, 9), *Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!* (1, 10), *Как хорошо мне под луною — / С нелюбщим и нелю-*

бимым (1, 212), *Встречный ветер не допрашивают, / Правды с соловья не спрашивают* (1, 160), *И как не умереть поэту, / Когда поэма удалась!* (1, 205), *Я знаю все ходы и выходы / в тюремной крепости души* (1, 210), *Мужайся: я твой щит и мужество!* (1, 210), *Друзья мои! Родное триединство! / Роднее чем в родстве!* (1, 145), *Слепая, шалая толпа! / — Всех ослепила — ибо эсенщина, / Все вижу — ибо я слепа* (1, 210). (В последнем примере — явный оксюморон, но анализ выразительных средств в поэтике Цветаевой в данном случае не входит в нашу задачу). При этом может наблюдаться намеренный повтор одного и того же слова: *Задай верстою вёрсту / Отсылай версту к версте!* (1, 253), *Под окном — шарманчик: / — Обманчик, изменчик, / Изменчик, обманчик!* (1, 154). Художественные задачи такого словоупотребления различны. В одних случаях Цветаева употребляет однокоренное дополнение в творительном падеже к основному слову с тем, чтобы углубить его значение, “наполнить смыслом” до предела, художественно “сконденсировать” образ, чувство, признак или качество: *Я ей служил служеньем добровольца!* (1, 168), *Этой короной короновиан* (1, 224), *Не скрестит две руки крестом* (1, 231), *Скоро громом начнет греметь* (1, 241), *Кремль! Черна чернотой твоей!* (1, 225), *Нет, чем таким цвести цветочком...* (1, 216). Однокорневое слово может выступать в синтаксической функции обстоятельства, но с той же художественной задачей: смыслового наращения изображаемого: *Эх, боюсь — уложат влежку* (1, 192), *Дурную память загонять в конец, — / Чтоб только не очнуться, наконец!* (1, 216), *За милым поползу ползком* (1, 231), *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — люблюсь Вами!* (1, 246). Последний пример наглядно иллюстрирует характерную вообще для идиостиля М. Цветаевой примету: восстановление в слове тех смыслов и семантических связей, которые им в языке уже утрачены. Например, в выражении “любить без памяти” — *без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А у Цветаевой в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченной этимологии можно наблюдать, например, в словах *заочность* и *победоносец*, в которых в узуальном употреблении не вычленяются смыслы: *за оком* или *несущий победу*. А Цветаева “высвечивает” именно эти “стертые” значения: *Заочность: за оком лежащая явь...*, *Победоносец, / Победы не вынесший*.

Соположение однокоренных слов может иметь и иную художественную функцию, а именно: через однокорневую оппозицию поэт показывает несовместимость каких-то черт, состояний, взглядов, качеств, при этом до предела обнажая это противоречие: *Кто бескорыстней был?! — / Нет, я корыстна!* (1, 168), *Вы столь забывчивы, сколь незабвенны* (1, 140), *Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща! / Завоеватель? — Нет, завоеванье!* (1, 143), *Не любовницей — любимницей / Я пришла на землю нежную* (1, 206), *Ты мне велишь — единственный приказ! — / И засыпать и просыпаться — рано* (1, 212), *Та, что была неумной, / За вечер вдруг унялась* (1, 144).

Семантическая оппозиция может усиливаться и стилистически, когда однокорневыми в оппозиции оказываются русские и старославянские, литера-

турные и просторечные лексемы: *А единая была — одна!* (1, 68), *Не взойдешь, не выйдешь!* (1, 182), *Бедных писаний своих Вавилонскую башню, / писем — своих и чужих — огнедышащий холмик* (1, 201), *Превыше всех земных ворот — / Врата мне — —райские* (1, 255),

При семантическом противопоставлении М. Цветаева виртуозно использует возможности морфологической системы русского языка. Это может быть оппозиция форм ед. и мн. числа (что встречается в идиостиле Цветаевой довольно редко): *Так писем не ждут, / Так ждут — письма...*, *Все у Господа — сыны, / Человеку надо — сына* (1, 44), *Старые гордыни — новая гордыня* (1, 180). Категория числа у Цветаевой может и иначе “работать” на художественную идею. Так, она использует во множественном числе лексему *единодержец*. Хотя это слово заведомо, “по определению” может использоваться только в единственном числе, о чем говорит и его внутренняя форма (единственный держатель) и аура использования — то, о чем писал М. Бахтин: “каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило...” (2). Тем не менее Цветаева пишет: *Единодержцы штыков и душ!... / Единодержцы грошей и часа!* (1, 76). В таком модусе использования категории числа и собственно контекста вскрывается иная внутренняя форма этой лексемы, более того — некий оксюморон этой формы, порождающий новые значения и вскрывающий абсурдность, хаос, бессмысленность того времени, которое описывает поэт. Гораздо активнее Цветаева использует категорию вида глагола и разнообразные его формы: *Вот: слышится — а слов не слышу* (1, 212), *Как встречалось — не знала, / А уж так: встрелось — спелось* (1, 109), *Ведь все равно — что говорят — не понимаю. / Ведь все равно — кто разберет? — что говорю* (1, 204), *Весь век дарю — не издарю! / Дробя, — свою же грудь дроблю!* (1, 231), *Судя по нашей общей каре — / Творцу кто отказал — и тварям / Кто не отказывал — равны* (1, 236), *И этого не помнящий Завадски! / Памятнейший из всех!* (1, 145).

Любая грамматическая антитеза влияет на смысл высказываемого, т. е. находится в лексико-семантической плоскости контекста. Так, в примере: *Не умереть хочу, а умирать* (1, 218) оппозиция глаголов совершенного и несовершенного вида несет огромную смысловую нагрузку.

Нет ничего дороже человеческой жизни, и умереть за кого-то или за что-то — это самая высокая цена, которую может предложить человек. Но Цветаева в своем мире “безмерности” находит ещё более высокую цену: не просто умереть, а умирать — долго, тяжело, мучительно — готова ее лирическая героиня.

В идиолекте Цветаевой отмечается значительное количество квазиродственных слов. Например: *Я — хранитель твоему перу: / Возращу и возвращу сторицей* (1, 96), *Память о Вас — легким дымком, / Память о Вас — тихим дымком* (1, 97), *От великого богатства / Заступи, заступник, заступ!* (1, 106), *Как меня — даже ты, что три года охаживал! — / Обходить научился стороной* (1, 177). Но эти явления лежат в области паронимической аттракции и требуют отдельного исследования.

Литература

1. М. Цветаева. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994 — 1995. Т.1. — С. 7. Далее ссылки даются на это издание с указанием тома и страницы.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет М., 1975. — С. 75.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81' 37

Л. А. Петрова

**ИНТЕНЦИИ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Постановка проблемы. В современной лингвистике стало аксиомой утверждение о том, что формирование значений языковых единиц есть сложный механизм, связанный с процессами категоризации окружающего мира и языковых форм. “Слово, — отмечал О. М. Соколов, — является той ячейкой знания о внешнем мире, в которой аккумулируется и отражается в свернутом виде опыт поколений” [10, с. 3]. За каждым словом он видел не только понятие, но и определенную сцену, фрейм. “Сценическая закрепленность особенно характерна для глагольной лексики”, — отмечал ученый. [10, с. 20].

Изучение семантики глагольного слова привело к обнаружению тесных связей глагольной синтагматики с денотативным, коннотативным, экспрессивным, эмоциональным, стилистическим компонентами значения. Следовательно, все эти компоненты значения глагола должны рассматриваться через анализ глагольной сочетаемости с учетом не только количественных, но и качественных характеристик.

Характеризуя ЛСГ речи, лингвисты разграничивают три аспекта: информативный, акустический и коммуникативный. С. М. Антонова [2] считает необходимым добавить императивный, манифестационный и номинативный. В акустическом аспекте реализуется звуковая сторона речевой деятельности; номинативный аспект представляет речь как средство актуализации знакового характера языка и функцию языковых единиц называть; в манифестационном аспекте обнаруживается способность речи выражать мысли и чувства говорящего; речь как средство общения обнаруживает себя в коммуникативном, информационном и императивном аспектах — в общении как таковом, как способе передачи информации и воздействии говорящего на слушающего. Речевой процесс, таким образом, может быть представлен как структура, состоящая из шести компонентов.

Представляя денотативные факторы в семантике глаголов речи, Л. М. Васильев выделяет следующие элементы денотативной ситуации речемыслитель-